

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ ГАРРИ ГАРРИСОНА
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЗБУКА»:**

Мир смерти

Пришельцы, дары приносящие

Планета райского блаженства

Планета проклятых

К западу от Эдема

Зима в Эдеме

Возвращение в Эдем

Фантастическая сага

Плененная вселенная

Молот и крест

Крест и король

Король и император

К звездам!

Стальная Крыса идет в армию

Стальная Крыса

Стальная Крыса отправляется в ад

Стальная Крыса. Золотые годы

Подвиньтесь! Подвиньтесь!

50х50

Гаррисон! Гаррисон!

Билл — герой Галактики. Книга 1

ГАРРИ ГАРРИСОН

Билл — герой Галактики

Книга 1

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
Г 21

Harry Harrison
BILL, THE GALACTIC HERO
Copyright © 1965 by Harry Harrison
BILL, THE GALACTIC HERO'S HAPPY HOLIDAY
Copyright © 1994 by Harry Harrison
BILL, THE GALACTIC HERO:
THE PLANET OF THE ROBOT SLAVES
Copyright © 1989 by Harry Harrison
BILL, THE GALACTIC HERO ON THE PLANET
OF BOTTLED BRAINS
Copyright © 1990 by Harry Harrison
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
С. Соколова, Л. Шкуровича, А. Иорданского, Н. Михайлова

Серийное оформление и оформление обложки
С. Шикина

Иллюстрация на обложке В. Еклериса

- © С. Соколов, перевод, 2016
- © Л. Шкурович, перевод, 2016
- © А. Иорданский (наследник), перевод, 2016
- © Н. Михайлов, перевод, 2016
- © В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2016
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11958-1

Билл — герой Галактики

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Билл так никогда и не понял, что первопричиной всех последовавших событий был секс. Ведь если бы солнце не сияло так ярко тем утром в оранжевом небе Фигеринадона-2 и если бы не сверкнула перед Биллом белоснежная пухленькая попка плескавшейся в ручье Инги-Марии Калифигии, то, надо полагать, он уделил бы больше внимания пахоте, а не насущным нуждам противоположных полов. К тому времени, когда со стороны дороги донеслись манящие звуки музыки, он был бы уже на дальнем конце поля и ничего не услышал бы. Тогда его дальнейшая жизнь сложилась бы совсем иначе. Но он услышал и бросил плуг, который тащил робомул, и повернулся, и разинул рот.

Зрелище и впрямь открывалось фантастически славное. Во главе процессии выступал робот-оркестр трехметрового роста, да еще в высоченном гусарском кивере, венчавшем отменную акустическую систему. Умопомрачительный робот твердо чеканил шаг колонноподобными ножищами, сверкающими золотом, а три десятка его рук виртуозно наигрывали, наяривали и нажаривали на множестве инструментов одновременно. Бравурная заводная музыка оглашала окрестности. Даже деревенщина Билл неуклюже задвигал ногами в деревянных башмаках в унисон сверкающим ботинкам солдат, что маршировали следом за роботом. На широкой груди каждого бравого воина звенели медали, и вид у колонны был, вне сомнения, самый молодецкий. Процессию замыкал сержант во всем великолепии галунов и позументов, знаков отличия и орденских лент, в блестящей кирасе, при мече и револьвере, едва не перерезанный пополам туго затянутым ремнем. Его стальной взгляд остановился на глазающем из-за плетня Бил-

ле, жесткие губы искривились в дружеской улыбке, и он едва заметно по-свойски подмигнул. В сопровождении запыленной орды скачущих, ползущих на гусеницах и катящихся на колесиках вспомогательных роботов всех мастей маленький отряд скрылся за поворотом, а Билл неуклюже перелез через плетень и затрусил следом. Интересные события происходили на Фигеринадоне-2 не чаще двух раз в четыре года, и он не собирался пропускать третье.

К тому времени как запыхавшийся Билл появился на рыночной площади, там уже собралась порядочная толпа зевак. Концерт и впрямь был восхитительным. Робот-оркестр самозабвенно исполнил торжественные такты «Марша звездной пехоты», прорубился сквозь «Ракетные раскаты» и едва не разнес сам себя в клочья бурным ритмом «И в аду сапер окоп отроет». Заключительный аккорд он взял с таким жаром, что одна из его ног неожиданно взвилась высоко в воздух, но была ловко подхвачена им на лету, и робот закончил выступление, балансируя на одной ноге, а оторвавшейся конечностью отбивая такт. Когда отзвучало финальное душераздирающее «Форте» медных труб, робот, используя освободившуюся конечность в качестве указки, направил внимание толпы на противоположную сторону площади, где уже развернули трехмерный экран и палатку с прохладительными напитками. Солдаты неприметно скрылись в кабачке, а лучший сердечной улыбкой сержант-вербовщик остался один среди роботов.

— Слушайте, слушайте! — загорланил он зычным командирским голосом. — Выпивка за счет императора, а чтоб не скучать — забойная киношка про дальние края!

Толпа повалила на зов. Билл, само собой, тоже, и лишь несколько пожилых, тертых калачей-дезертиров нырнули в переулок: они-то знали, что к чему. Прохладительные напитки подавал робот с краном вместо пупка и с неисчерпаемым запасом пластиковых стаканчиков в бедре. Билл смаковал свое питье, всецело поглощенный невероятными приключениями солдат из Космических частей — в цвете и с аудиовизуальной стимуляцией подсознания. Там было все: битва, смерть и неувядаемая слава — хотя гибли только чинджеры, солдаты же отделялись аккуратными симпатичными поверхностными ранениями, которые легко удавалось скрыть марлевыми

повязочками. Билл, увлеченно созерцавший красочное зрелище, и подумать не мог, что в то же самое время его увлеченно созерцает сержант-вербовщик Грю, чьи маленькие пороссячи глазки похотливо бегали по ладной фигуре неиспорченного деревенского парня.

«Как раз что надо!» — ликовал сержант и машинально облизывал губы языком, покрытым желтоватым налетом. Он уже чувствовал, как карман оттягивают премиальные за этого ослика.

Толпа на площади состояла в основном из мужичья непризывного возраста, баб-толстух и сопливых ребятишек — материала самого нестрогого. Исключение составлял только вот этот плечистый, мускулистый кусок электроннопушечного мяса. С точностью, свидетельствующей о большом опыте, сержант убавил инфразвуковое сопровождение и направил в кудрявый затылок своей жертвы узкий стимулирующий луч. Билл аж затрясся, вживаясь в грандиозную битву, которая разворачивалась перед его глазами.

Прозвучал заключительный аккорд, экран погас, и робот-бармен забарабанил в свою железную грудь со словами: «Напитки! Напитки!»

Публика, как стадо баранов, повалила на зов, а Билла держала крепкая рука.

— Глянь-ка, что у меня есть, — сказал сержант и вручил Биллу стакан жидкости, содержащей такое количество подавляющего волю наркотика, что на дно выпал кристаллический осадок. — Ты парень что надо, не чета этим олухам неотесанным! Никогда не задумывался о солдатской карьере?

— Не гожусь я, сержант. — Билл пошлепал губами и сплюнул; казалось, что-то мешает ему выговаривать слова. И с мыслями он никак не мог совладать. Но о его высокой устойчивости свидетельствовал тот факт, что он вообще еще держался на ногах после лошадиной дозы химических и инфразвуковых стимуляторов. — Не гожусь я. Хочу быть мастером в любимом деле. — Билл покачал головой. — Сейчас я заканчиваю заочный курс операторов механических навозоразбрасывателей, ну и...

— Дерьмовая работа для такого парня, как ты! — гаркнул сержант, оценивающе похлопывая Билла по бицепсу. Скала!.. Он с трудом удержался, чтобы не оттянуть Биллу губу и не

посмотреть на зубы — успеется еще. — Пускай в навозе копаются другие, тебе там ничего не светит! Зато в армии можно сделать карьеру дай бог всякому! Возьми хотя бы адмирала Пфлюнгера; прошел, как говорится, огонь, воду и медные трубы — от рядового до Великого Адмирала! Что скажешь?

— Ну, я рад за господина Пфлюнгера, но по мне навоз куда милее. Да что это меня так в сон тянет? Пойти вздремнуть часок, что ли...

— Только сначала, сделай одолжение, погляди вот сюда, — перебил его сержант, показывая на книжку, которую держал раскрытой крохотный робот. — Встречают, как говорится, по одежке, а большинство моих знакомых постыдились бы показаться на людях в такой жалкой дерюге, что на тебе, не говоря уж о твоих дерьмоступах. На кой черт таскать тряпки, если можно выглядеть вот так!

Толстый палец ткнулся в книжку, и Билл перевел взгляд на цветную картинку, на которой благодаря чудесам техники поставленной на службу дурным целям, красовался он собственной персоной в блестящем красном мундире космического пехотинца. Сержант переворачивал страницы, и с каждой новой мундир становился все более великолепным, украшенным все более высокими знаками отличия. Последняя изображала неотразимую форму самого Великого Адмирала, и Билл недоверчиво заморгал, увидев физиономию, хоть, правда, и морщинистую, и с элегантными, с проседью усиками, но, несомненно, собственную.

— Вот таким ты будешь, когда поднимешься на высшие ступени командования, — прошептал ему на ухо сержант. — Верно, ты хотел бы примерить мундир? Портной!

Билл разинул было рот, чтобы запротестовать, но сержант тут же воткнул в него чудовищных размеров сигару, и прежде чем Билл успел ее вынуть, подкатился на резиновых колесах робот-портной, обнял его рукой-ширмой и мигом раздел догола.

— Эй-эй! — пролепетал ошарашенный Билл.

— Это совсем не больно, — заверил его сержант, просовывая за ширму свою большую голову. Он довольно оглядел мускулистое тело Билла, ткнул пальцем в солнечное сплетение (скала!) и ретировался.

— Ай! — сказал Билл, когда портной, снимая мерку, уколол его холодной линейкой.

Через минуту в бочкообразном брюхе робота заскрежело, и из прорези на груди полез восхитительный красный мундир. В мгновение ока он оказался на Билле, золотые пуговицы застегнулись. Затем пришла очередь парадных бриджей и сверкающих лаком черных сапог. Ошеломленный Билл даже пошатнулся, когда ширма исчезла, а вместо нее появилось большое самоходное зеркало.

— Женщины прямо-таки голову теряют при виде мундира, — сообщил сержант. — И немудрено!

Билл снова увидел перед собой идеально круглые ягодичы Инги-Марии Калифигии, глаза его на миг затуманились, а очнувшись, он обнаружил в своей руке перо и какой-то бланк, услужливо предложенный сержантом.

— Нет! — заявил он, удивляясь собственной твердости. — Не подпишу! Оператор механического навозоразбрасывателя, и все тут!

— Прекрасный мундир и подъемные! Да еще доктор тебя осмотрит совершенно бесплатно! И вдобавок ко всему ты получишь красивые медали! — Сержант открыл плоскую коробочку, поданную роботом. — Вот, например, — сказал он торжественно и приколол к груди Билла нечто напоминающее маленькое, инкрустированное бриллиантами облачко. — Почетный орден храброго новобранца... А вот — Имперский позолоченный поздравительный рог... Звездный крест победителя... Честь и слава матерям polegших героев... Ну и Вечный рог изобилия — если честно, порядочная ерунда, но выглядит внушительно, и в нем можно хранить презервативы.

Он отступил на шаг, чтобы полюбоваться Биллом, украшенным ленточками, побрякушками и блестящими стеклышками.

— Но я... Не-ет! Спасибо за честь, но...

Сержант, готовый к куда более активному сопротивлению, только усмехнулся и нажал кнопку у себя на поясе. Кнопка эта приводила в действие гипнотическую иглу, вмонтированную в подметку сапога новобранца. Неодолимый импульс пронзил Билла... И через мгновение он осознал, что уже поставил свою подпись на листе.

— Но...

— Добро пожаловать в космическую пехоту, парень! — заорал сержант, смачно похлопывая его по спине (скала!) и вытаскивая авторучку из судорожно сжатых пальцев. — Становись! — заорал он еще громче, и солдаты стали выскакивать из бара.

— Что вы сделали с моим сыном?!

С душераздирающим воплем на площадь выбежала мать Билла, одной рукой придерживая объемистый бюст, другой волоча за собой младшего брата Билла, маленького Чарли. Чарли разревелся и замочил штанишки.

— Ваш сын стал солдатом во славу императора! — отрезал сержант и принялся строить в шеренгу сутулых, вислогубых рекрутов.

— Нет! Не имеете права! — В отчаянии мать рвала на себе волосы. — Я бедная вдова. Билл — мой единственный кормилец, он...

— Мама! — вскричал Билл, но сержант запихнул его обратно в строй.

— Мужайтесь, мадам! Нет выше чести для матери... — Он сунул ей в руку большую свежеотчеканенную монету. — Это подъемные — целый новехонький имперский шиллинг. Знаю, его величество рад, что вы его получили... Смир-рно!

Новобранцы неуклюже щелкнули каблуками, расправили плечи и выпятили грудь. К немалому своему удивлению, то же проделал и Билл.

— Напра-во!

Подчиняясь импульсам гипнотических игл, скрытых в подметках сапог, рекруты в едином движении выполнили приказ.

— Шагом... арш!

Колонна тронулась с места. Контроль был столь жесток, что Билл, как ни старался, не мог даже повернуть головы, чтобы попрощаться с матерью. Та отстала, и лишь последний отчаянный вопль донесся, перекрыв грохот солдатских сапог.

— Сто тридцать шагов в минуту! — скомандовал сержант, поглядев на хронометр, вмонтированный под ноготь мизинца. — До посадочной площадки всего десять миль; ночевать будем в лагере!

Задающий темп робот настроил метроном, ноги зачастили, солдаты взмокли. К посадочной площадке подошли в сумер-

ках. Мундиры из красной бумаги висели ключьями, позолота с оловянных пуговиц слезла, отслоилась пленка, защищавшая от пыли сапоги из эрзац-кожи. Грязные измотанные новобранцы чувствовали себя в точности так, как выглядели.

2

На рассвете Билла разбудил не задорный сигнал горниста, а удар ультразвука, от которого сперва затрясся железный каркас его койки, а потом и он сам — причем с такой силой, что из зубов повываливались все пломбы. Билл вскочил на ноги. Стояло лето, и пол в казарме специально охлаждался — в учебно-тренировочном лагере имени Льва Троцкого новобранцев баловать не собирались. Бледные, как привидения, заспанные и озябшие рекруты повскакивали с коек. Выворачивающая внутренности вибрация вскоре прекратилась. Новобранцы поспешно натянули бесформенные комбинезоны из наждачной бумаги, вколотили ноги в огромные красные башмаки и высыпали наружу, под серое предутреннее небо.

— Я здесь затем, чтобы сломить ваш дух! — объявил им жесткий голос. — Понятно?

Они подняли головы и, увидев владыку этого ада, затряслись пуще прежнего.

Старший сержант Сгинь Сдохни был специалистом в полном смысле этого слова — от кончиков остриженных ежиком волос до шипастых подметок начищенных до зеркального блеска сапог. Был он широкоплеч и сухопар, длинные руки будто у какого-то жуткого антропоида свисали ниже колен, а костяшки пальцев на громадном кулачище покрывали бесчисленные мозоли от тысяч зуботычин. Глядя на это порождение ада, нелегко было представить, что появился он на свет из нежного материнского чрева. Нет, не мог Сдохни *родиться*; подобных ему наверняка изготавливают по особым правительственным заказам.

Особо страшное впечатление производила его голова. Одно лицо чего стоило! Узенькая, в палец, полоска лба отделяла щеточку волос от кустистых бровей, нависавших густыми зарослями над черными провалами глаз, о присутствии которых свидетельствовали только красноватые зловещие огоньки в непроницаемом мраке глазниц. Сломанный, свернутый

набок нос свисал надо ртом, очень напоминавшим ножевую рану в животе очоенелого покойника. Образ довершали торчавшие из-под верхней губы огромные острые клыки.

— Я старший сержант Сгинь Сдохни. Вы должны меня называть «сэр» и «господин», когда обращаетесь ко мне. — Сержант мрачно прошел вдоль шеренги испуганных новобранцев. — Я ваш отец, ваша мать, ваша вселенная и самый страшный враг. Вы еще пожалеете, что родились на этот свет! Я растопчу вашу волю. Когда я скомандую «Прыгай!», вы у меня будете прыгать! Моя задача — сделать из вас солдат, то есть научить дисциплине. Дисциплина — это отсутствие свободы воли, абсолютно беспрекословное повиновение и бездумное выполнение приказов. Большого от вас я не потребую!

Он остановился перед Биллом, который трясся вроде бы поменьше, чем остальные, и ухмыльнулся:

— Что-то не нравится мне твоя рожа. Месяц работы на кухне по воскресеньям!

— Сэр...

— И еще месяц за пререкания!

Билл мудро промолчал. Он уже усвоил первый урок курса молодого бойца: «Держи язык за зубами».

Сержант двинулся дальше.

— Сейчас вы просто жалкие куски штатского мяса в штанах, но я превращу это мясо в мускулы, из вашей воли сделаю студень, из ваших мозгов — машины. Или вы станете хорошими солдатами, или я сживу вас со света! Вы еще услышите обо мне всякие истории, например, как я убил и съел новобранца, отказавшегося выполнить мое приказание.

Он остановился и обвел глазами строй. Уголки вурдалачьих губ поползли вверх в дьявольском подобии улыбки. С кончиков выступавших клыков капала слюна.

— Эта история подлинная.

Ответом ему был единодушный стон. Шеренга новобранцев содрогнулась, словно под шквалом ледяного ветра. Улыбка исчезла с лица сержанта.

— Сейчас мы пойдем завтракать, но прежде мне нужны два-три добровольца на легкую работу. Кто из вас водит вертолет?

Двое новобранцев с надеждой подняли руки, и Сдохни велел им выйти вперед.

— Отлично, парни! Берите тряпки, ведра — и в сортир! Пока остальные будут лопать, вы немного приберете. Нагуляете аппетит к обеду.

Это был второй урок для Билла: «Никогда не вызывайся добровольцем».

Началась военная подготовка. Дни летели с отупляющей быстротой, и, как ни странно, с каждым днем новобранцам приходилось все хуже. Хотя, если подумать, иначе и быть не могло: об этом позаботилось много способных, изощренных в садизме умов. Стригли рекрутов наголо, гениталии их красили в оранжевый цвет антисептиком. Еда была с теоретической точки зрения питательной, но на вкус ужасной. Когда по ошибке кусок мяса однажды подали в пригодном к употреблению виде, его тут же выловили из котла и выбросили на помойку, а повара разжаловали в посудомойки.

Среди ночи новобранцев поднимали по учебной тревоге воплем: «Внимание, газы!» — а свободное время занимала подготовка снаряжения. Седьмой день недели отводился для отдыха, но так как каждый успевал заработать какое-нибудь наказание, как, например, Билл, то воскресенье мало чем отличалось от будней.

Билл протиснулся сквозь перекрывающее вход слабое силовое поле, отрегулированное со столь изощренной хитростью, что позволяло кусачим мухам проникать в барак, но наружу их не выпускало, поставил на пол задубелую от пота, грязи и кухонного жира куртку и достал из сундучка электробриту. После четырнадцатичасовой чистки картофеля ноги у него тряслись как в лихорадке, а руки, бледные и опухшие, напоминали конечности добротного вымоченного покойника. В сортире он долго искал участок относительно чистого зеркала. Все зеркала были покрыты вдохновенными надписями вроде: «Держи язык за зубами — чинджеры подслушивают» или «Будешь много болтать — человек в зеркале пропал». В конце концов он сунул штепсель бритвы в розетку рядом с грозным вопросом: «Хочешь, чтобы твоя сестра вышла за чинджера?» — и всмотрелся в свое отражение. На него глядели налитые кровью, обведенные черными кругами глаза.

Больше минуты Билл елозил жужжащей машинкой по запавшим щекам, прежде чем смысл вопроса дошел до его отупевшего от усталости сознания.

— Нет у меня сестры, — буркнул он сварливо. — А если бы и была, на кой черт ей выходить замуж за ящерицу?

Вопрос был чисто риторический. Однако с противоположного конца помещения, а точнее, из последней кабинки во втором ряду донесся неожиданный ответ:

— Не следует понимать все буквально. Цель лозунга — будить в нас непримиримую ненависть к врагу.

Убежденный, что он в сортире один, Билл подскочил как ужаленный. Бритва взвизгнула со злобным удовлетворением и отхватила клочок губы.

— Кто здесь?! Почему прячешься?

Только сейчас он заметил груды башмаков, сваленных в дальнем углу, и склонившуюся над ней темную фигуру.

— А, это ты, Усер...

Гнев его сразу прошел, и Билл вновь повернулся к зеркалу.

Усердный Прилежник был столь неотъемлемой частью сортира, что его присутствие там просто не замечалось. Этот юноша с круглым, как полная луна, лицом, вечно румяными щеками и с неизменной улыбкой на лоснящейся физиономии так мало подходил к обстановке в учебном лагере имени Льва Троцкого, что первым порывом каждого новобранца было разорвать его на куски. Наверное, так бы и случилось, если бы Усер был в своем уме: только сущий придурок мог так охотно брать на себя работу товарищей и добровольно вызываться постоянно дежурить по сортиру. Мало того, он просто обожал драить башмаки и предлагал свои услуги по очереди всем рекрутам, так что теперь превратился в бессменного чистильщика. Когда взвод расходился по баракам, Усер располагался в своем царстве стульчаков и приступал к развитой уже почти до промышленных масштабов деятельности, с радостной улыбкой орудуя щетками. Гасли лампы, но он продолжал работу при свете горящего в баночке из-под гуталина фитилька, и побудка заставала его на обычном месте с удовлетворенным видом человека, закончившего очень важное дело. А когда башмаки бывали особенно грязными, Усер вообще не ложился спать. Шариков у него явно не хватало, но его не трогали: ведь он взвалил на плечи кошмарную обузу. Более того, парни буквально молились, чтобы Усер не протянул ноги от истощения, прежде чем кончится курс начальной военной подготовки.

— Если смысл только в этом, то почему бы просто не написать: «Возненавидь врага своего!» — удивился Билл и указал пальцем на противоположную стенку, где висел плакат под шапкой «Вот твой враг!». На плакате был изображен чинджер в натуральную величину — ящероподобное существо семи футов ростом, смахивающее на покрытого чешуей четверорукого земного кенгуру с крокодильей головой. — А потом — чья же сестра пожелает выйти замуж за такое страшилище? И что оно после свадьбы делало бы с этой сестрой? Разве что сожрало бы ее...

Усер как раз закончил полировать один красный башмак и взялся за следующий. Он нахмурил брови, чтобы показать, что в его черепе идут сложные мыслительные процессы, и изрек:

— Ну, видишь ли, никто не имеет в виду настоящую сестру. Это всего лишь пропагандистский трюк. Мы должны выиграть войну, а для этого должны драться как черти. Но чтобы драться как черти, солдаты должны быть хорошими солдатами, а хорошие солдаты должны ненавидеть врага. Так оно и идет. Чинджеры — единственная известная нам негуманоидная раса, построившая машинную цивилизацию, поэтому само собой разумеется, что мы должны стереть их в порошок.

— С какой это стати «разумеется»? Не желаю я никого стирать в порошок! Единственное, чего я хочу, — так это вернуться домой и стать оператором механического навозоразбрасывателя!

— Ну я же не имел в виду конкретно тебя. — Усер открыл новую банку багряной ваксы и запустил в нее палец точно такого же цвета. — Я имел в виду человечество вообще. Если мы их не сотрем — они нас сотрут! Правда, чинджеры утверждают, будто война противоречит их религиозным убеждениям и дерутся они только потому, что вынуждены обороняться. В этом что-то есть, так как они никогда не нападают первыми. Но вдруг им однажды придет в голову сменить религию? Хорошенький же вид тогда у нас будет! Лучше всего истребить их сейчас, пока еще не поздно!

Билл выключил бритву и ополоснул лицо тепловатой ржавой водой.

— Все равно что-то здесь не сходится. Ладно, пускай сестра, которой у меня нет, не путается с чинджером. Но какой

смысл, например, в этом? — Он ткнул пальцем в надпись над стульчаком: «Воду спускай, о враге не забывай!» — Или в этом? — Плакат под писсуаром взывал: «Застегни ширинку, охламон, за тобой следит шпион!» — Дело не в том, что в лагере нет самого завалящего секрета, ради которого стоило бы пройти хоть милю, не говоря уж о двадцати пяти световых годах, но как чинджер может быть шпионом? Разве загримируешь семифутовую ящерицу под рекрута? Сомневаюсь даже, что ей удастся прикинуться сержантом Сдохни, даром что он вылитый чинджер...

Свет внезапно погас, и старший сержант Сгинь Сдохни, как вурдалак, являющийся из преисподней, стоило только назвать его имя, хрипло заорал:

— По койкам! По койкам, паршивые недоумки! Война идет, а им все хаханьки!

В темноте, озаренной лишь красноватым свечением глаз сержанта, Билл с трудом отыскал свой топчан. Заснул он, едва голова успела коснуться подушки, словно отлитой из какого-то кремнийуглеродистого сплава, и, как ему показалось, минутой позже вскочил на ноги, выброшенный из постели ударной волной побудки. За завтраком, когда Билл в поте лица резал эрзац-кофе на кусочки такой величины, чтобы их можно было безболезненно проглотить, телевидение передало сообщение о тяжелых, кровопролитных боях в секторе Беты Лиры. По столовой пронесся горький стон, вызванный отнюдь не избытком патриотизма, а тем фактом, что любые вести подобного рода могли привести только к ухудшению положения рекрутов. Они не имели понятия, каким образом, но были убеждены, что так и случится. И совершенно справедливо.

Так как утро выдалось прохладнее обычного, парад, обычно проводимый в понедельник, перенесли на полуденные часы, чтобы железобетонные плиты на плацу успели хорошенько раскалиться и обеспечить максимальное количество обмороков и тепловых ударов. Билл, вытянувшись по стойке смирно в одном из последних рядов строя, заметил, что над почетной трибуной натянут шатер с кондиционированием. Могло это означать только одно: приедет какая-то важная шишка.

В бок впивалась предохранительная скоба атомной винтовки, с носа капал пот, но краешком глаза Билл наблюдал, как поминутно то здесь, то там валяются снопами новобранцы и их товарищи поспешно отволакивают бесчувственные тела к стоящим наготове санитарным машинам. Бедняг укладывали в тень, а когда они приходили в сознание, отправляли обратно в строй.

Оркестр грянул марш «Звездные роты — чинджерам ка-юк!», скрытые в подметках иглы послали гипнотические импульсы, и в один миг тысячи атомных ружей сверкнули на солнце. Штабной автомобиль — две звезды на дверцах — подкатил к трибуне, маленькая круглая фигурка быстрым шагом одолела раскаленный, как печка, плац и исчезла в шатре с кондиционированием. Биллу еще не приходилось видеть генерала живьем, во всяком случае спереди. Как-то поздно ночью, возвращаясь из наряда по кухне мимо офицерского клуба, он заметил садящегося в машину генерала. Но длилось это лишь мгновение, да и генерал виден был только со спины. Таким образом, этот высокий чин ассоциировался у Билла с необъятной задницей, наложенной на крохотную муравьиную фигурку. Впрочем, столь же смутное представление имел Билл и о других офицерах: обычно новобранцы не сталкивались с командным составом. Лишь однажды у канцелярии он хорошенько разглядел какого-то второго лейтенанта и с некоторым удивлением обнаружил, что у того, оказывается, есть лицо. И еще был военврач, который читал им лекцию о венерических заболеваниях, но Биллу, по счастью, досталось место за колонной, и он, усевшись, сразу же заснул.

Оркестр наконец выдохся, зато над строем всплыли антигравитационные громкоговорители, и плац содрогнулся от раскатов генеральского голоса. В речи этой ничего, что могло бы заинтересовать солдат, не было, и закончил ее генерал заявлением, что в связи с тяжелыми потерями на фронте срок их обучения будет значительно сокращен. Эти слова только подтвердили их ожидания. Затем под гром оркестра рекрутов отвели в казарму, где они переоделись в полевую форму, и ускоренным маршем отправили на стрельбище; в связи с сокращением сроков обучения им предстояло расстрелять вдвое больше патронов, чем обычно, по пластиковым чинджерам.

Новобранцы палили из винтовок, как бог на душу положит, пока вдруг среди мишеней не возник Сгинь Сдохни. Каждый тут же перевел оружие на автоматический огонь и со снайперской меткостью всадил в сержанта всю обойму — явление, безусловно, необычное и очень редкое. Однако, когда дым рассеялся, радостные возгласы сменились тоскливыми всхлипываниями, так как оказалось, что это была всего лишь пластиковая кукла, теперь разнесенная в клочья. В довершение откуда ни возьмись появился оригинал, заскрипел клыками и вlepил всем по месяцу нарядов на кухне вне очереди.

— Отличная штука — человеческое тело, — заявил Задница Браун месяцем позже, жуя в клубе для низших чинов сосиску из субпродуктов в пластиковой оболочке и запивая ее теплым водянистым пивом. Задница Браун на гражданке пас коров, потому-то его и называли Задницей — ведь всякий знает, что проделывают пастухи со своими милашками. Был он обожжен солнцем, как старый ремень, долговяз и кривоног. Немногословности его научила работа на травянистых равнинах, где тишину нарушали лишь вопли напуганной чем-то коровки. Зато это был великий мыслитель, ибо времени для размышлений у него было хоть отбавляй. Задница Браун мог целыми днями, неделями вынашивать некую мысль, пока не приходил к решению, что она достаточно созрела и достойна огласки. И все это время ничто не могло его вывести из состояния задумчивости. Он даже не протестовал против своей клички, хотя любой другой на его месте как пить дать врезал бы обидчику по физиономии.

Билл, Усер и другие сидящие за столом солдаты засмеялись и стали хлопать в ладоши, как всегда, когда Задница что-нибудь изрекал.

— Валяй дальше, Задница!

— Э, да он говорить умеет!

— Ну так почему же тело — отличная штука?

Все замерли в ожидании ответа, пока Задница силился откусить от сосиски. Наконец ему это удалось. После тщательных попыток ее прожевать Задница глотнул, вытер проступившие слезы и сделал шумный глоток пива.

— Человеческое тело — отличная штука, потому что живет, пока не помрет.

Солдаты ждали продолжения, а когда поняли, что это все, восторженно закричали:

— Ну ты, Задница, и даешь!

— Умник чертов!

— Да, но что это значит?

Билл знал, что это значит, однако решил промолчать. В их подразделении в строю осталась лишь половина списочного состава. Одного перевели, остальные попали в госпиталь или в психушку, или были уволены по инвалидности, или были мертвы. Оставшиеся в живых сперва похудели так, что кожа висела на ребрах, затем набрали вес за счет мускулов и теперь были великолепно приспособлены к порядкам, царившим в лагере имени Льва Троцкого. Что ни в малейшей степени не меняло того факта, что и сам лагерь, и царившие в нем порядки они ненавидели всеми фибрами своей души. Билла эффективность такой системы просто поражала. Штатские морочат себе голову всякими глупостями вроде экзаменов, оценок, ученых званий и степеней и тысячами других условностей, а здесь — как сказочно просто! Слабые вымирают, но уж выжившие приспособлены ко всему. Такую систему следовало уважать, несмотря на всю питаемую к ней ненависть.

— Что мне нужно, так это бабу, — вздохнул Страшила.

— Кончай похабничать, — оборвал его Билл, воспитанный в строгих правилах пуританской морали.

— Кто похабничает?! — возмутился Страшила. — Разве я сказал, что хочу остаться на сверхсрочную или что Сдохни — тоже человек? Я сказал, что мне нужна баба, только и всего. А вам что, она не нужна?

— Выпивка мне нужна. — Задница Браун хлебнул пива, которое производили из порошка-концентрата, содрогнулся и выплюнул его на бетонный пол. Оно тут же испарилось.

— Ну да, ну да! — Страшила энергично мотнул головой. — Бабу, а потом выпить. Что еще нужно новобранцу в увольнении?

Все на некоторое время погрузились в размышления, но в голову и в самом деле ничего не приходило. Только Усер выглянул из-под стола, где тайком надраивал чей-то башмак, и заявил, что не помешало бы побольше ваксы, но на него не

обратили внимания. Билл, как ни старался, не мог представить ничего иного, кроме этих взаимосвязанных вещей. Хотя припоминал смутно, что на гражданке у него случались другие желания, но вот какие именно...

— Да ладно вам, — донеслось из-под стола. — До отпуска осталось только семь недель...

Усер не договорил, получив от каждого из сидящих по крепкому пинку.

Хотя в соответствии с их субъективными ощущениями время едва тащилося, сохраняющие полную объективность часы отмеряли его неустанно, и вот наконец одна за другой миновали эти недели — несомненно, самые длинные из всех длинных недель. В течение этого срока на что на что, а на недостаток занятий они пожаловаться не могли: штыковой бой, стрельба из ручного и автоматического оружия, чистка того и другого, ориентирование на местности, строевая подготовка, хоровое пение и в довершение — военное законодательство. Лекции по последнему предмету с беспощадной регулярностью читали дважды в неделю, изошренно вызывая непреодолимую сонливость. Как только из динамиков магнитофона раздавались первые идеально монотонные скрипучие слова, солдаты начинали клевать носом. Каждое место в аудитории было подключено к электроцефалографу, регистрирующему биотоки рекрутов. Стоило кривой альфа-ритма только намекнуть на то, что кто-то из слушателей задремал, незамедлительно в ягодицу несчастного посылался мощный импульс электрического тока, столь же болезненный, сколь эффективный для прерывания сна. Никогда не проветриваемая аудитория напоминала погруженную во тьму камеру пыток, заполненную монотонным бормотанием магнитофонного лектора над морем сонно покачивающихся голов; бубнящий голос время от времени заглушали вопли неожиданно подключенного к сети горемыки-обучаемого.

Бесконечное перечисление жестоких наказаний и приговоров, грозящих за самые пустяковые провинности, никого особенно не тревожило. Все прекрасно понимали, что, завербовавшись, они отказались от каких бы то ни было человеческих прав, и подробное перечисление того, чего рекруты лишились, нисколько больше их не занимало. Другое дело — подсчет часов, отделяющих их от первого отпуска.

Ритуал вручения этой чрезвычайно редкой и столь желанной награды был необыкновенно унизителен, но ведь ничего иного новобранцы и не ожидали, и, опустив головы, они стояли в очереди, готовые обменять остатки самоуважения на кусок помятой фольги. Наконец церемония закончилась, и тут же разгорелось сражение за место в монорельсовом поезде, курсирующем между лагерем имени Льва Троцкого и небольшим сельскохозяйственным городишком Лейвилем. Линия была проложена по эстакаде, вознесенной на столбы, всегда находилась под напряжением и шла над тридцатифутовым забором из колючей проволоки, а затем над окружающим лагерь поясом зыбучих песков.

Говоря точнее, Лейвиль был сельскохозяйственным городишком до того, как по соседству построили лагерь имени Льва Троцкого. С тех пор сельским хозяйством занимались здесь лишь урывками — когда солдаты находились на занятиях. Остальное время магазины и склады были закрыты на замок, зато полным ходом шла торговля в кабаках и разнообразнейших увеселительных заведениях. Впрочем, зачастую лавки и эти греющие душу солдата места располагались под одной крышей. Достаточно было потянуть специальный рычаг, и мучные лари превращались в кровати, торговки — в сводниц, и только кассы сохраняли свои первоначальные функции, хотя цены значительно увеличивались.

В одно из таких заведений — наполовину похоронное бюро, наполовину распивочная — и заглянули Билл с приятелями.

— Что подать, ребята? — с профессиональной улыбкой поспешил им навстречу хозяин бара «Вечный покой».

— Двойную порцию жидкости для бальзамирования, — потребовал Задница Браун.

— Только без дурацких шуточек, не то вызову жандармерию, — предупредил уже без улыбки хозяин и достал бутылку с крикливой этикеткой «Настоящее виски», не очень аккуратно наклеенной поверх другой, на которой значилось: «Жидкость для бальзамирования». Но стоило деньгам зазвенеть о стойку — и улыбка вернулась. — Милости прошу, господи.

Они уселись за длинный узкий стол с медными ручками по бокам и с наслаждением позволили этиловому спирту прополоскать их запыленные глотки.

— До армии я этого не пробовал, — заметил Билл, осушив стаканчик «Старого палача почек», и протянул руку за новой порцией.

— Потому что не нуждался в выпивке, — пояснил, наливая, Страшила.

— Точно, — согласился Задница Браун, причмокивая и поднося к губам бутылку.

— Э-э... — проблеял Усер, неуверенно отхлебывая глоточек. — Вкус как у смеси сахара, опилок, разных сложных эфиров и нескольких высших спиртов.

— Пей, пей, — неразборчиво произнес Задница Браун, не отнимая ото рта бутылки. — Полезно для здоровья!

— А теперь — по бабам! — скомандовал Страшила, и вмиг в дверях началась свалка — каждый, желая опередить другого, пытался прорваться наружу.

— Смотрите! — раздался вдруг чей-то возглас, и все обернулись.

Усер невозмутимо сидел за столом.

— Бабы! — с энтузиазмом воскликнул Страшила тем самым тоном, каким хозяин подзывает пса к миске с похлебкой.

Сгрудившиеся в дверях сатиры заволновались и забили копытами. Усер и ухом не повел.

— Э-э... я, пожалуй, подожду вас здесь, — сказал он с еще более простодушной улыбкой, чем обычно. — А вы идите, ребята, идите!

— Ты болен, Усер?

— Э-э... Вроде нет.

— Что, еще не достиг половой зрелости?

— Э-э...

— Да что тебе здесь делать?!

Усер вытащил из-под стола увесистый мешок и раскрыл его. Он был доверху набит красными солдатскими башмаками.

— Думал, почищу немного, а то не успеваю.

Они молча шли по деревянной мостовой.

— Что это с ним? — спросил наконец Билл, но ответа не последовало. Все всматривались вперед — там красноватым соблазнительным огнем сверкала неоновая вывеска: «Приют

космонавта. Стриптиз без антрактов. Лучшие напитки. Номера для гостей и их знакомых».

Они ускорили шаг. Фасад «Приюта» украшали витрины из бронестекла; в витринах красовались трехмерные фотографии одетых (браслет и две звездочки) и раздетых (без браслета и звездочек) танцовщиц. Приятели Билла подозрительно засопели, но Билл положил конец их воодушевлению, указав на маленькую, едва заметную среди выпирающих из витрин телес табличку: «Только для офицеров!»

— Проходите, проходите! — рявкнул стоявший у входа жандарм, помахивая электрической дубинкой. И они покорно побрели дальше.

В следующее заведение пускали без ограничений, но за плату в семьдесят семь кредитов с носа, то есть несколько больше, чем было у них у всех, вместе взятых. Потом снова пошли таблички «Только для офицеров»... Но вот мостовая кончилась, и огни остались позади.

— А это что? — удивился Страшила, заслышав доносившийся из ближайшего темного переулка гомон голосов. Он присмотрелся и обнаружил длинную, исчезающую за углом очередь солдат.

— Что это здесь? — спросил Страшила последнего в очереди.

— Бордель для нижних чинов. Только не пытайся пролезть по нахалке, жопа. Будешь за мной.

Они тут же выстроились в затылок. Билл оказался замыкающим, но вскоре подоспели другие страждущие. Ночь была холодная, и он время от времени подстегивал происходящие в теле жизненные процессы добрым глотком из своей бутылки. Разговоров было немного, да и те стихали по мере приближения к освещенному красным фонарем входу. Дверь регулярно открывалась и закрывалась, коллеги Билла один за другим исчезали за ней. Наконец подошла и его очередь. Дверь начала открываться, Билл шагнул вперед, но тут завыли сирены, и здоровенный жандарм преградил дорогу чудовищным брюхом.

— Боевая тревога! — рявкнул он. — Марш в лагерь!

Со сдавленным воплем человека, обманутого в лучших ожиданиях, Билл ринулся напролом, но прикосновение электрической дубинки отшвырнуло его, оглушенного, прочь.

Билла подхватила волна бегущих. Сирены выли без умолку, в небе запылал стомильными буквами огненный призыв «К ОРУЖИЮ!».

Билл споткнулся, кто-то подхватил его под руку, спасая от опасности быть растоптанным. Это был Страшила — с такой блаженной улыбкой, что Билл не выдержал и замахнулся, чтобы треснуть его по счастливой роже. Но не успел: они уже оказались в вагоне, который с головокружительной скоростью помчался в лагерь. Билл забыл о своем гневе, когда кривые когти сержанта Сгинь Сдохни выдернули его из толпы.

— Паковать манатки! — заскрипел клыками сержант. — Грузиться!

— Этого нельзя делать, сэр, еще не закончен курс обучения!

— Можно, можно! Обычно так и делается! Мы победоносно завершили величайшую в истории космическую битву. Свыше четырех миллионов убитых плюс-минус сто тысяч. Нужно пополнение, а это вы. На борт! Немедленно, а то и еще быстрее!

— Но у нас нет скафандров!..

— Интенданты уже отправлены!

— Запасы продовольствия...

— Повара отправлены вместе с кухнями! По тревоге вспомогательный персонал отправляется в первую очередь. В разведку боем. На смерть. — Сержант обнажил клыки в ледящей душу улыбке. — А я в полной безопасности остаюсь дрессировать ваших преемников.

Из отверстия пневмопочты выскочила капсула. Сдохни вскрыл ее, прочитал сообщение, и улыбка медленно сползла с его лица.

— Меня тоже отправляют, — глухо проронил он.

3

За время существования лагеря имени Льва Троцкого обучение прошли 89 672 899 новобранцев, так что процесс отправки был отработан на славу и шел без сучка без задоринки, хоть на этот раз и носил характер самоуничтожения — так змея пожирает собственный хвост.

Билл с товарищами оказались в последней группе. Змея, проглотив себя полностью, начала самоперевариваться. Едва

с солдат сняли чуть отросшие волосы и затолкали в ультразвуковую вошебойню, как парикмахеры набросились друг на друга и в вихре размахивающих ножницами рук, ключев волос, остатков усов и брызг крови оболванили всех подчистую, а затем бросились в освободившуюся дезкамеру, прихватив с собой и обслуживающего ее техника. Фельдшеры вкатили друг другу сыворотку против ракетной лихорадки и космической хандры, писари выдали сами себе аттестаты, ответственные за погрузку пинками загоняли друг друга в поджидающие космические челноки. Взрели реактивные двигатели, столбы пламени ударили в стартовые платформы, уничтожая их оборудование в великолепном фейерверке, ибо обслуживающий персонал также находился уже на борту взлетающих челноков. Возносимые чудовищным громом корабли исчезли в ночном небе, оставляя под собой опустевший лагерь. Ветер принялся срывать со щитов приказы и списки наказанных новобранцев, разгоняя обрывки по пустынным улицам, чтобы в конце концов прилепить их к сотрясающимся от оглушительного шума, освещенным изнутри окнам офицерского клуба.

Там полным ходом шла грандиозная попойка, прерываемая, однако, горькими жалобами: офицерам пришлось перейти на самообслуживание.

А космические челноки мчались тем временем все выше и выше, направляясь к огромному флоту космических крейсеров, столь многочисленному, что он заслонял собой звездное небо, и столь новому, что некоторые корабли еще только достраивались. Ослепительно сверкали точки сварочных огоньков, раскаленные заклепки, подобно трассирующим пулям, очередями вонзались в подготовленные для них отверстия. Огоньки гасли, показывая, что еще один левиафан космоса готов, и тогда в радиотелефонах раздавались истошные крики монтажников, ибо рабочих, вместо того чтобы вернуть на верфи, насильно зачисляли в команды построенных ими же кораблей. Война была тотальной.

Билл пролез сквозь пластиковую трубу, связывающую космический челнок с межзвездным дредноутом, и бросил вещмешок к ногам старшего сержанта, который сидел за столом в шлюзе, размерами напоминающем ангар. Правильнее сказать — попытался бросить, потому что сила тяжести отсутствовала и мешок так и повис в воздухе. Тогда он толкнул

его к полу, но вместо этого сам взлетел под потолок. (Всякое падающее тело находится в состоянии свободного падения, и все имеющее вес в этом случае невесомо, а для каждого действия существует равное ему, однако противоположенное противодействие... Или что-то в этом роде.) Сержант посмотрел на Билла, заворчал неразборчиво и стянул его вниз.

— Не прикидывайся сухопутной крысой, парень. Имя?

— Билл, через два «л».

— Хватит с тебя и одного, — буркнул сержант, лизнул кончик пера и вывел в реестре округленными каракулями едва выучившегося грамоте человека: «Билл». — Два «л» положены только офицерам, олух несчастный. Знай свое место. Класс, специальность?

— Рядовой, необученный, без специальности, сейчас буду блевать...

— Не здесь — для этого дела есть кубрик. Теперь ты — предохранительный шестого класса. Твое место номер тридцать четыре «жэ» восемьдесят девять «тэ» ноль-ноль один. Топай и держи пакет поближе к пасти!

Едва Билл отыскал определенный ему кубрик и бросил на койку мешок, который сразу повис в пяти дюймах от привычного матраса, набитого окаменелой шерстью, как в тесное помещение ввалился Усердный Прилежник. За ним следовали Задница Браун и целая толпа совершенно незнакомых Биллу людей. Кое у кого из них были сварочные аппараты, а на лицах написано бешенство.

— А где Страшила и остальные? — поинтересовался Билл.

Задница Браун пожал плечами и пристегнулся к койке — хоть немного вздремнуть. Усер раскрыл один из шести огромных мешков, которые он приволок с собой, и достал несколько пар нуждающихся в чистке башмаков.

— Спасен ли ты? — спросил глубокий проникновенный голос из дальнего угла кубрика.

Билл в изумлении поднял глаза. Геркулесового сложения солдат заметил заинтересованность Билла и вытянул в его направлении грозный палец:

— Спасен ли ты, брат мой?

— Трудно сказать, — буркнул Билл и принялся с озабоченным видом рыться в своем узелке, надеясь, что на этом разговор завершится.

Содержание

БИЛЛ — ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ. Роман <i>Перевод С. Соколова</i>	5
БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ, ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СВОЙ ПЕРВЫЙ ОТПУСК. Рассказ <i>Перевод Л. Шкуровича</i>	155
БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ, НА ПЛАНЕТЕ РОБОТОВ-РАБОВ. Роман <i>Перевод А. Иорданского</i>	177
БИЛЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ, НА ПЛАНЕТЕ ЗАКУПОРЕННЫХ МОЗГОВ. Роман <i>Перевод Н. Михайлова</i>	365

Гаррисон Г.

- Г 21 Билл — герой Галактики. Книга 1 : романы, рассказ / Гарри Гаррисон ; пер. с англ. С. Соколова, Л. Шкуровича, А. Иорданского, Н. Михайлова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 576 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-11958-1

Билл, герой Галактики... Куда б его ни бросила судьбина — в воронку ли безумной войны с расой миролюбивых чинджерров, в ядовитые ли болота недружественной землянам планеты Вениолы или в мир подневольных роботов, он всегда думает об одном — как бы сделать ноги из этой проклятой армии. Гарри Гаррисон в автобиографическом романе «Гаррисон! Гаррисон!» приводит такой показательный случай из своей жизни: «На конvente ко мне подошел матерый морпех, кривоглазый, с изуродованным лицом, и спросил: „Это вы Гарри Гаррисон?“ Я ответил утвердительно, и тогда он задал новый вопрос: „Это вы написали «Билла, героя Галактики»?“ Я говорю „Да“ и уже определяю маршрут для бегства. И вдруг слышу: „Единственная правдивая книга про армию“. Услышать такое от профессионального вояки дорогого стоит». А для читателя дорогого стоит еще одна встреча с автором и его замечательным героем — героем Галактики.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГАРРИ ГАРРИСОН
БИЛЛ — ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ
Книга 1

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анна Быстрова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 31.08.2016. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 30,24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HAF1999001R